

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2023

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 4 (126) Том 14 - Выдающиеся личности Запада от древности до наших дней. 2023

Никколо Макиавелли как символическая личность: от политической теории к политической педагогике

Гуторов Владимир Александрович

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Ширинянц Александр Андреевич

*Московский государственный университет М. В. Ломоносова
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

В статье анализируется концепция «макиавеллизма» — постоянно формирующегося и увеличивающегося в размерах гигантского интеллектуального сегмента, объединяющего исторические, психологические и философские интерпретации с откровенно вульгарными идеологическими спекуляциями. В современном научном дискурсе различные версии макиавеллизма широко представлены преимущественно в психологических исследованиях различного уровня. Исследуются современные концепции личности, синтез которых хорошо представлен в трудах Ганса Юргена Айзенка. Анализируется теория символов У. Колмана, во многом способствующая пониманию причин, по которым личность Макиавелли постепенно стала превращаться в своеобразный символ, характеризующий процесс формирования особого «культурного кода» человеческого мышления и поведения. Исследуются также причины, по которым современные дискуссии вокруг личности и культурного наследия Макиавелли все чаще перемещаются в специфическую теоретическую сферу, именуемую «политической педагогикой».

Ключевые слова: Макиавелли, макиавеллизм, реализм, политика, история, политическая теория, психология, личность, политическая педагогика

Дата публикации: 30.06.2023

Источник финансирования:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-01601.

Ссылка для цитирования:

Гуторов В. А. , Ширинянц А. А. Никколо Макиавелли как символическая личность: от политической теории к политической педагогике // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 4 (126). URL: <https://history.jes.su/s207987840026412-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840026412-2

¹ Символическое значение личности Макиавелли в истории европейской и мировой культуры, общественной мысли и политики обычно не подвергается сомнению. Свидетельством этому в наши дни являются тысячи научных и популярных статей, сотни монографий, сборников и материалы бесчисленных конференций. «Макиавелли, — восторженно отмечают редакторы новейшего сборника с характерным названием “Макиавелли тогда и теперь”, вполне целенаправленно вызывающим ассоциации с знаменитым одноименным романом Сомерсета Моэма, — это идея, непреходящая *функция-творец (author-function)*. Ни в какое другое время эта идея не является более актуальной, чем в наше время. Но чтобы вновь оценить эту функцию, мы должны поместить Макиавелли в его исторический контекст. Мы навеки опутаны двойными нитями глубокого восхищения и продолжающегося беспокойства в восприятии его методов и сочинений. Был ли Макиавелли первым отстраненным эмпириком в вопросах политических и артистических? Или он просто облагородил и изобрел заново определенные способы выражения, включая современные формы трактатов и писем? Был ли он педантичным реалистом, нейтральным стратегом — ни больше, ни меньше? Или речь идет об его патриотизме, который и в настоящее время продолжает сиять, когда он неоднократно возвеличивает солидарность, сплоченность и порядок в публичном дискурсе? Разве Макиавелли не был также предшественником вооруженного логикой современного гражданина, который протестует против рабства и политической зависимости от воли и господства правителей, какими бы благожелательными они ни были? Или нам следует воздержаться от того, чтобы принять его радикальные решения за чистую монету и вместо этого рассматривать его тексты и рассказы как сатирические и предостерегающие? А как насчет моральной силы высказываний Макиавелли? Или он был одним из первых голосов, которые помогли провозгласить современный идеал ценностной нейтральности? Неужели его методы слияния прошлого с современностью настолько уникальны, что теперь они кажутся визионерскими и фантастическими?»¹.

² И действительно, жизнь и деятельность флорентийского политика и мыслителя настолько замечательна и многообразна, что нас уже давно перестали удивлять парадоксальные, на первый взгляд, предположения о том, что в одном человеке скрываются несколько личностей, постоянно вступающих друг с другом в конфликт. Так, в работе «К переоценке политической теории» Теренс Болл прямо утверждает, что ему постоянно мерещится существование «нескольких флорентийских писателей шестнадцатого века, всех звали Макиавелли, но между

ними было мало общего. Самый известный, или печально известный, — это “кровавый Макиавелли” (“murdr'ous Machiavel”), упомянутый Шекспиром и названный “Старым Ником”, которого порицали как самого дьявола. Как апостол насилия и сторонник убийства во имя политической целесообразности, Макиавелли подвергался критике и резкому осуждению со стороны критиков — от Фридриха Великого до настоящего времени. Его называли как угодно — от протонациста и “учителя зла” до женоненавистника. Но есть и другие, гораздо более благожелательные Макиавелли: первый “научный” политический аналитик, сосредоточившийся на “фактах”, но воздерживающийся от “ценностей”, реаниматор республиканских политических идеалов, искусный сатирик политического безумия, протолиберал, который, быть может, первым осознал неустранимую множественность ценностей, хитрый обманщик и ловец государей и множество других. Несмотря на это разнообразие, был, конечно, только один писатель эпохи Возрождения по имени Макиавелли и великое множество интерпретаций того, о чем он писал»².

³ Маурицио Вироли в работе, посвященной трансформации политического языка в Западной Европе в эпоху раннего модерна, специально выделяет тот важный момент, что в работах Макиавелли представлена одна из наиболее выразительных характеристик личности образцового политика³. Излишне говорить о том, что в любом современном труде по истории ранней европейской политической мысли ему всегда отдается пальма первенства. «Макиавелли, — отмечает М. Рамзи, — ключевая фигура в истории политической мысли. Его взгляды на человеческую природу, общество и правительство знаменуют собой разрыв со средневековой философией и политической теорией шестнадцатого века, основанными на телеологических предположениях о Божьих целях для человека. Макиавелли отделил политику от высших целей, от христианской морали, от теологии и религии. Он рассматривал государство как институт, функционирующий исключительно для человеческих целей, и сконструировал правила поведения, которые не были моральными правилами, но основывались на реалистическом и практическом взгляде на мир, почерпнутом из наблюдений за событиями и примерами из истории. Макиавелли радикально секуляризировал политическую мысль и положил начало новым взглядам на человека и общество. Именно с Макиавелли начинается современная социальная и политическая теория»⁴.

⁴ В предисловии к сборнику «Интерпретируем современную политическую философию: от Макиавелли до Маркса» его редакторы А. Эдуардз и Дж. Таунсенд особо отмечают, что Макиавелли стоит у истоков великого периода эволюции общественной мысли, когда был сформирован современный политический язык и большая часть концептов — строительных блоков современного политического дискурса. «Эти философы неизменно и живо присутствуют в нашей собственной идеологической вселенной, отстаивая ценности индивидуальной свободы, демократии, традиций, собственности, порядка, общности, равенства и другие. Они продолжают вызывать трепет, воодушевление, иногда неприязнь, но почти никогда не вызывают презрения»⁵.

⁵ На наш взгляд, Эдуардз и Таунсенд безусловно правы, если рассматривать великих представителей политической философии эпохи модерна *en bloc*,

оставляя в стороне биографические нюансы, специфические особенности текстов и их дальнейшую интерпретацию. Но как только последняя вплотную приближается к самой личности философа и персональным оттенкам его аргументации, «кривая неопределенности» начинает стремительно возрастать. Поневоле приходится признать очевидное: в истории политической мысли Макиавелли — как в прошлом, так и в настоящем — представлял и, вероятно, еще долгое время будет представлять довольно парадоксальное исключение. Палитра ассоциаций, настроений, чувств, этических и философских спекуляций, а подчас и научных интерпретаций, связанных с личностью и творчеством итальянского мыслителя, поразительно вариативна и нелегко распознать, как именно позитивные оценки соотносятся с чисто моральным отторжением, негативным восприятием и откровенным негодованием. Возможно ли, например, оценить как комплимент следующее парадоксальное рассуждение канадско-австралийского политолога Джона Ара о специфике макиавеллиевской «прикладной этики»: «Мечта о том, чтобы заставить роботов думать и вести себя этично, — это волна из будущего, еще не испытанная. Но есть и волны из прошлого, связанные с инновациями в этике, включая этику лидерства. Подумайте о великом итальянском мыслителе Макиавелли... чей “Государь” делает то, о чем мечтают конструкторы роботов: он внедряет чувство этики в сознание государственных лидеров, чтобы они могли расширить свое чувство ответственности и принять на вооружение новаторскую форму благоразумия, которую уже не могут сдерживать традиционные виды благочестия... Макиавелли выделяется как смелый экспериментатор в области этики лидерства, как человек, от которого мы можем очень много узнать о взлетах и падениях государственного руководства, но он также и человек, склонный к настолько гибкому использованию этики, что современные публичные лидеры вполне могут находить его весьма двусмысленным»⁶.

⁶ Французский историк Патрик Бушрон, написавший большую книгу о том, что именно Макиавелли научил людей понимать природу страха и того, чего именно они должны бояться, замечал: «...Мы буквально не знаем, что думать о Макиавелли. Должны ли мы восхищаться им или нет, с нами он или против нас, он все еще наш современник или же он, по его собственному утверждению, древняя история?... Неожиданно для меня, Макиавелли оказался полезным проводником и опорой — я бы даже сказал верным другом, ум которого никогда меня не подводил. Это могло бы показаться чересчур сентиментальным, если бы не перекликалось с характерным способом беседы самого Макиавелли с древними греками, как он это выразил в своем знаменитом письме к Франческо Веттори в 1513 г. В нем он описывает процесс создания “Государя”: “Я не стыдился беседовать с ними и спрашивать о причинах их действий. И они во всей своей человечности отвечают мне”»⁷.

⁷ В данном контексте совсем неудивительно, что созвучные Бушрону идеи мы встречаем в новейшем исследовании Питера Аренсдорфа «Гомер и традиция политической философии: встречи с Платоном, Макиавелли и Ницше». Американский антиковед и политолог выдвинул довольно смелую гипотезу, предположив, что «макиавеллиевская *virtu* имеет мало общего (если вообще что-либо имеет) и с христианской добродетелью, и с Цицероновско-гуманистической

virtus; она действительно обладает значительным концептуальным родством с архаическим понятием *arête*... Я предполагаю, что концепция царственной добродетели Макиавелли, которая включает в себя ложь, обман, предательство и так далее, имеет очевидное, но до сих пор не замеченное сходство с гораздо более старой концепцией “добродетели”. Я хотел бы предположить, что макиавеллистская *virtu* имеет определенное принципиальное концептуальное сходство с героической концепцией добродетели, встречающейся в “Илиаде” и “Одиссее”»⁸.

⁸ Предельно резкая оценка трудов Макиавелли, связанная с попыткой «поставить под вопрос» предшествующие традиции их академической интерпретации, включая знаменитую Кембриджскую школу (Д. Покок, К. Скиннер), обозначена в книге Уильяма Соколоффа «Конфронтационное гражданство: размышления о ненависти, ярости, революции и восстании». Американский политолог характеризует автора «Государя» — ни больше ни меньше — как создателя теории «продуктивной роли, которую народная ненависть может играть в различных политических режимах»⁹. «Многие политические мыслители, — утверждает Соколофф, — подчеркивали центральное место ненависти как политической категории. Однако не Карл Шмитт заслуживает признания в качестве *главного теоретика ненависти* [курсив наш — В. Г., А. Ш.] (хотя он идеально сводил понятие политического к различению друга и врага), а Никколо Макиавелли... Власть порождает ненависть. Однако ненависть можно использовать для достижения положительных политических целей. Для Макиавелли антагонистическая политическая культура, основанная на внеинституциональных проявлениях народной ненависти и насилия против элит, обеспечивает сохранение свободы и подотчетность лидеров народу. Несмотря на то, что ненависть играет центральную роль в творчестве Макиавелли, он пока еще не признан крупным теоретиком ненависти. Ненависть на более общем уровне также не привлекла того внимания, которого она заслуживает как продуктивная политическая сила... Причина, по которой ненависть игнорируется или преуменьшается у Макиавелли, связана с преобладанием гражданской республиканской интерпретации Макиавелли. Эта точка зрения, которая стала известна как Кембриджская школа, подчеркивает любовь к *отечеству*, мудро разработанным политическим институтам, верховенству закона и гражданской добродетели, но, возможно, смягчает радикальные моменты мышления Макиавелли, преуменьшая значение свидетельств народной активности и сильной страсти. Лео Штраусс и интерпретаторы, находящиеся под влиянием Штраусса, также склонны упускать из виду центральную роль, которую играет ненависть, потому что их интерпретации основаны на разрыве Макиавелли с домодерном и отсутствии более широкой теории демократической власти в его трудах. Наконец, ненависть также упускается из виду радикальными интерпретациями Макиавелли, которые характеризуют народ как совокупность политических агентов насильственного оспаривания угнетения или рассматривают Макиавелли как защитника концепции свободы, а не господства»¹⁰.

⁹ Конечно же, рассуждения Соколоффа возможно, в свою очередь, интерпретировать различным образом. Например, они могут (хотя и с большим трудом) рассматриваться в качестве одной из радикальных версий концепции

«политического реализма», сформировавшейся в международной политической теории на протяжении всего XX в.

¹⁰ На академическом уровне идеи Макиавелли наиболее полно были проанализированы в этом плане в трудах Мартина Уайта, которого специалисты с полным основанием называют одним из самых глубоких мыслителей в области теории международных отношений XX в. Уайт не раз отмечал, что до Макиавелли внешние и внутренние условия установления и поддержания государственной власти не различались систематически «и одно это, без всяких других причин, позволяет как недоброжелателям, так и поклонникам именовать его как героя-покровителя международных отношений»¹¹. Макиавелли был «первым человеком (со времен греков), который рассматривал политику без этических предпосылок. Он был в самом действенном смысле изобретателем реализма. Он сознательно порвал с богословско-этическим рационализмом, господствовавшим в средние века, а также с латентным революционизмом (или его предшественниками), восходящим к истокам христианства... Это подтверждается... всем развитием современного суверенного государства вопреки наднациональным религиозным убеждениям»¹².

¹¹ Много десятилетий спустя концепцию Мартина Уайта пытался оспорить Маурицио Вироли, настаивавший на том, что представление о Макиавелли как об «отце-основателе» политического реализма вызывает серьезные возражения. «Макиавелли был реалистом *sui generis*, который интересовался не только описанием, интерпретацией или объяснением политических фактов, но и любил воображать политические реалии, сильно отличающиеся от существующих. В “Рассуждениях о Ливии” он задумал возрождение древнеримской политической мудрости; в “Искусстве войны” он фантазировал о восстановлении римских военных порядков и добродетели. Если мы хотим видеть настоящего реалиста, мы должны читать Гвиччардини, а не Макиавелли... О чем же тогда “Государь” и какова его непреходящая ценность, если таковая имеется? У меня есть следующий ответ: Никколо Макиавелли написал “Государя”, чтобы создать и призвать искупителя Италии, способного с Божьей помощью создать новый и хороший политический порядок и таким образом достичь вечной славы. Теория и миф об искупителе составляют, на мой взгляд, непреходящую ценность маленькой книжки Макиавелли»¹³.

¹² Нетрудно заметить, что идеи У. Соколоффа крайне плохо соотносятся с академическим характером заочного спора между М. Уайтом и М. Вироли. Их вектор совсем иной, и он направлен в сторону «макиавеллизма» — постоянно формирующегося и увеличивающегося в размерах гигантского интеллектуального сегмента, объединяющего исторические, психологические и философские интерпретации с откровенно вульгарными идеологическими спекуляциями.

¹³ И концепция, и само понятие «макиавеллизм» имеют давнюю историю. П. Бушрон в упомянутой выше работе обращает внимание на тот факт, что уже в широко известном “Словаре французского языка” Эмиля Литтре (1873) дается следующая характеристика Макиавелли: «Флорентийский писатель шестнадцатого века, который теоретизировал практику насилия и тирании, использовав мелкими тиранами Италии»¹⁴. «Придав имени Макиавелли граничащий с

обвинением переносный смысл, Литтре сделал странную вещь, но и сама история сделала не меньше. Между нами и Макиавелли стоит макиавеллизм. Он придает явные очертания злу в политике, это отвратительный лик всего, от чего хотелось бы отречься, но трудно закрыть на это глаза. Это также маска, за которой исчезает человек, Никколо Макиавелли, родившийся во Флоренции в 1469 г. и умерший там же в 1527 г...»¹⁵. На самом деле макиавеллизм — это не доктрина, сформулированная Макиавелли, а учение, которое ему приписывают противники. «Перед нами изобретение анти-макиавеллизма. В течение пятидесяти лет после смерти Макиавелли “Государь” занял свое место в “Индексе запрещенных книг” католической церкви как произведение дьявола, а многие политические трактаты получили название “Анти-Макиавелли”»¹⁶.

14 В теоретическом плане конечные результаты этого процесса были глубоко проанализированы в начале 1970-х гг. Клодом Лефором в работе «Макиавелли в творческом процессе»: «Прежде чем начать читать Макиавелли, — отмечал французский философ, — мы уже имеем некую идею макиавеллизма. Хотя мы можем ничего не знать об этом человеке и его работе, мы используем этот термин без колебаний. Он обозначает характер, способ поведения или действия так же верно, как слово дверная ручка обозначает определенный предмет; его деривация, будучи встроенной в язык, не имеет большого значения: она обслуживает. То, что Гирод писал в конце восемнадцатого века, похоже, мы можем повторить и сейчас: “Имя Макиавелли, кажется, освящено на всех языках, чтобы напоминать или даже выражать окольные пути и гнусные действия самых пронизательных, самых преступных политиков”... Заслуживает ли Макиавелли такой репутации или нет, кажется ли это результатом трагического недоразумения или же скучным промыслом презренного начинания, все, тем не менее, согласятся, что мы не можем отождествлять популярную концепцию макиавеллизма с идеей творчества... Сразу приходит на ум политическое использование термина. По-видимому, это только одно использование среди прочих, которое претендует на привилегированное положение. Хотя макиавеллизм предпочтительно характеризует своего рода политическое поведение, он всегда кажется наполненным более общим значением. Если я слышу разговоры о государственном деятеле как о макиавеллисте, я понимаю, что он беспринципен, озадачивает своих противников, не останавливается ни перед чем для достижения своих целей и любит укреплять свою власть на обломках других. Таким образом, государственный деятель дискредитируется термином, который также используется журналистами для обозначения умного преступника или романистами, чтобы вызвать в воображении порочность честолубивой женщины. Бисмарк, например, такой же макиавеллист для историка, как мадам де Мамефф для Бальзака»»¹⁷.

15 В современном научном дискурсе различные версии макиавеллизма широко представлены преимущественно в психологических исследованиях различного уровня. Многие эксперты-психологи рассматривают макиавеллизм как *особый набор личностных черт*, которые сами по себе более или менее характерны для психологического состояния каждого человека. Наиболее важными пятью характеристиками макиавеллиевского типа личности считаются манипулирование, аморальность, цинизм, хладнокровие и отсутствие эмпатии¹⁸.

Нередко индивиды — носители макиавеллистских начал — фигурируют под рубрикой «антисоциальная личность». Характеризуя основные черты такой личности, Т. Берецкий, в частности, отмечает: «Макиавеллизм не есть расстройство. Его нельзя считать психопатологическим явлением. Однако оно может быть связано с несколькими чертами личности, которые по самым разным диагностическим критериям могут быть классифицированы как психические расстройства... Люди с антисоциальным расстройством личности игнорируют социальные обязательства и нормы, отказываются следовать правилам, презирают авторитет и проявляют холодное безразличие к чувствам других. Хотя они в основном знают, что их поведение идет вразрез с общими социальными ожиданиями и нормами, их это не беспокоит. Как говорится: асоциальная личность не любит, не боится и не учится»¹⁹.

¹⁶ В 1990-х гг. возникла идея о том, что макиавеллизм может считаться частью личностного комплекса, связанного с негативной стороной психологического состояния человека. Некоторые исследователи напрямую связывают человеческую злобу и ее персональные аспекты с психологической моделью так называемой «темной триады», включающей в себя характерные черты макиавеллизма, нарциссизма и психопатии²⁰.

¹⁷ В области политической психологии, напротив, поведение политических лидеров, вписывающееся в «темную триаду», тем не менее, лишено всяких признаков асоциальности. Так, в новейшей книге с характерным названием «Нарцисс или Макиавелли?» Н. Уппал утверждает: «Я рассматриваю понятия “нарциссизм” и “макиавеллизм” как две характерные личностные черты, которые повсеместно встречаются у всех политических лидеров в истории и в настоящее время. В некоторых научных отчетах даже утверждается, что эти две черты являются наиболее существенными для эскалации лидерства... Макиавеллизм и нарциссизм — две личностные характерные черты, которые легитимно возникли в качестве структурных рамок для изучения связей политики и личности и демагогических тенденций у политических лидеров»²¹.

¹⁸ Важно отметить, что феномен макиавеллизма в настоящее время с большим трудом поддается типологизации. Неоднократные спорадические попытки специалистов выделить в разное время макиавеллизм в «широком» и «узком» смыслах нельзя признать вполне удачными²².

¹⁹ Уже в самой ранней работе «Исследования в области макиавеллизма» Ричарда Кристи и Флоренс Гейс сразу возникла данная проблема, и авторы книги явно склонились к «монистической», вернее, к универсальной трактовке этого психологического явления²³. На сегодняшний день универсальный подход принимается не только многими специалистами, но и проник в политическую риторику и журналистику. Его суть вполне органично выражена в популярной брошюре американского журналиста Стенли Бинга «Что бы сделал Макиавелли? Цели оправдывают низость»: «...Вы еще не идете по пути истинно успешных, тех, кто руководствуется базовым учением простого бюрократа из Флоренции, говорившего с нами лет пятьсот назад или около того. На протяжении всего нашего пребывания здесь, на земле, у всех нас есть выбор. Делать вещи посредством... или выбрать способ Макиавелли. Кто-то выбирает

легкий путь. Они позволяют своим человеческим импульсам руководить ими. Они стараются быть порядочными. Они рассматривают других людей как свободных личностей, имеющих право жить своей собственной жизнью. Их смущают власть, жадность и манипуляции. Короче говоря, они находят себе закуток и заползают в него... Потому что это люди, каждый день задающие себе ключевой во всех отношениях вопрос, который превращает менеджера среднего звена в генерального директора: “Что бы сделал Макиавелли?”... Макиавелли посоветовал бы вам делать все, что необходимо, не более того. В чем же состоит цель? В усилении вашей личной власти. Запомните это. Живите этим. Потому что ваша личная власть и ничья другая — это высшее благо. Для общества. Для мира, в котором мы живем. Для щенков и котят и всех маленьких детей»²⁴.

²⁰ Случайно это или нет, но обозначенная выше тенденция к универсальной трактовке, препятствующая типологизации макиавеллизма, развивалась параллельно с теоретическими дискуссиями, связанными с анализом природы личности и с адекватным определением самого понятия «макиавеллизм». На наш взгляд, наиболее удачные «анти-типологизаторские» определения на данный момент хорошо представлены в трудах Ганса Юргена Айзенка. Например, в своей работе «Измерения личности» он дает следующее синтетическое определение: «Комбинируя определения, которые мы представляли до сих пор, мы можем сказать, что личность — это совокупность действительных или потенциальных образцов поведения организма, определяемых наследственностью и средой; она возникает и развивается благодаря функциональному взаимодействию четырех основных секторов, в которые организованы эти модели поведения: когнитивный сектор (интеллект), волевой сектор (характер), аффективный сектор (темперамент) и соматический сектор (состояние организма)... При описании личности часто используются еще два термина, которые могут потребовать краткого определения. Это *тип* и *характерная черта*. Многие авторы считают, что теория, ссылающаяся на “характерные черты”, неизбежно должна противопоставляться теории, ссылающейся на “типы” на том основании, что теория черт предполагает нормальное распределение измеряемой характеристики, тогда как теория типов предполагает бимодальное распределение... Мы будем говорить о “Типах” как о *наблюдаемых сочетаниях или синдромах характерных черт*, а о “Характерных Чертах” — как о *наблюдаемых сочетаниях индивидуальных тенденций действия*. Таким образом, мы проводим различие между типами и чертами не с точки зрения их распределения, а с точки зрения их относительной включенности, определяемой экспериментально»²⁵.

²¹ Универсальный подход к анализу макиавеллистского типа личности подтверждается, в частности, и той большой популярностью, которой пользуется понятие «макиавеллиевский интеллект» в различных направлениях психологической науки. Привлекая данные эволюционной биологии, некоторые специалисты (Н. Хамфри и другие) обнаруживают его свойства даже в поведении приматов. В этом смысле данное понятие совершенно отчетливо приобретает символическое значение, объединяя усилия ученых, разрабатывающих эту проблему. «*Макиавеллиевский интеллект*, — отмечают Эндрю Уайтн и Ричард У. Берн, — объединил разрозненные истоки идеи о том, что интеллект приматов коренится в проблемах, возникающих в сложной социальной жизни... С тех пор,

как понятие “макиавеллиевский интеллект” стало общепринятой фразой в литературе (включая такую степень признания, что оно иногда она появляется с маленькой “м”!), мы чувствовали, что пришло время оценить прогресс... Внезапно идея о том, что разум начинается с социальных манипуляций, обмана и коварного сотрудничества, кажется, объясняет все, над чем мы всегда ломали голову. Такая популярность этой идеи может, конечно, просто отражать ее корректность. Однако расплывчатость теории также может помочь, позволяя ей означать *все вещи для всех людей* [курсив наш — В. Г., А. Ш.]... Групповая жизнь должна быть полезной в целом для каждого члена, иначе этого бы не произошло, но только индивидуальные (и родственные) выгоды определяют судьбу эволюции. Для каждого отдельного примата это создает среду, благоприятствующую использованию социальной манипуляции для достижения личных выгод за счет других членов группы, но не вызывая при этом такого нарушения, которое ставит под угрозу индивидуальное членство в группе. Особенно полезными для этой цели являются манипуляции, при которых проигравшие не осознают своей потери, как в некоторых видах обмана, или при которых возникают компенсационные выгоды, как в некоторых видах сотрудничества. Интеллект, таким образом, поощряется как характерная черта, и, поскольку это избирательное давление распространяется на всех членов группы, начинается эволюционная гонка вооружений, ведущая к спиралевидному росту интеллекта»²⁶.

²² Соответственно, как уже отмечалось выше, резко усиливается символическая роль «макиавеллистского комплекса», стимулирующего формирование «культуры» и «эстетики» поведения на ранних этапах эволюции. «Когда человеческая социальная жизнь начинает устанавливаться, — пишут А. Шмитт и К. Граммер в статье “Социальный интеллект и успех: не будь слишком умным, чтобы быть сообразительным”, — она обеспечивает эволюционное давление на развитие символической коммуникации и больших умственных способностей, необходимых для ее использования. Эта тенденция становится далее центральным аспектом среды эволюционной адаптации человека как вида. Символическая коммуникация обеспечивает платформу для развития ценных культурных инноваций, которые люди переносили с собой с места на место не в своих генах, а в своих социальных группах... Культура возникает не из идей, зарождающихся в уме, а из социальных и материальных практик, внедряющихся в символы как носители значения, которое может быть передано последующим поколениям и преобразовано будущими обстоятельствами. Таким образом, хотя идеи не могут быть унаследованы, символы могут быть — не биологически, конечно, а через посредство культуры — истинным средством возникновения психики»²⁷.

²³ Обозначенные идеи, на наш взгляд, вполне вписываются в концепцию символов, разработанную английским психологом Уорреном Колманом в работе «Действие и образ: возникновение символического воображения». В древнегреческом языке глагол *συμβάλλω* буквально означает — «сбрасывать в одно место; сливать, соединять, сравнивать, сличать». Соответственно *σύμβολον* — это «знак, примета, признак». Если следовать греческой этимологии, то термины «собирательный» и «символический» фактически совпадают по смыслу. Комментируя этимологические аспекты интерпретации символа, У. Колман

отмечает: «Здесь мы могли бы рассмотреть два этимологических источника понятия “символ”. Более знакомым является обычное значение, с которым его связывали древние греки. Для них *symbolon* был опознавательным знаком, разделенным на две половины. По этому признаку один человек мог распознать аутентичность гонца, доставившего другую половину. Само слово произошло от глагола *symballein*, что означает “собирать вместе”. Следовательно, понятие символа относится к объединению двух областей таким образом, что нечто становится очевидным, поскольку иначе оно не может быть опознано, как это верно следует из смысла метафоры. Символический опознавательный знак является буквально инструментом, который раскрывает иную скрытую идентичность... По сути, коллективное представление — это “символ, который формулирует и воплощает в себе коллективные убеждения, чувства и ценности социальной группы”. Более того, коллективные репрезентации не просто представляют, но активно формируют способы индивидуальных мыслей и чувств. Дюркгейм утверждает, что все мысли структурированы коллективными представлениями таким образом, что даже понятия кажущиеся “определенными”, такие как время и пространство, являются коллективными представлениями, структурирующими то, как люди видят свой мир и относятся к нему. Коллективные символы такого рода являются, подобно переходным объектам Уинникотта, выражением активной вовлеченности людей в формирование своего собственного *Umwelt*. Они одновременно создаются и обосновываются. Однако они не создаются индивидами, а возникают в результате коллективной деятельности социальных групп, передаются от одного поколения к другому как символическая матрица, в которой находятся индивиды»²⁸.

²⁴ Сделанные У. Колманом выводы помогают лучше осмыслить причины, по которым личность Макиавелли постепенно стала превращаться в своеобразный символ, характеризующий процесс формирования специфического «культурного кода» человеческого мышления и поведения. В современной языковой среде изначальное значение символа остается неизменным. Вся проблема в том, что в мире культурной символики личность Макиавелли оказалась буквально раздвоенной и приобрела откровенно виртуальный оттенок: необходимые для ее интерпретации критерии достоверности кажутся подчас утерянными безвозвратно.

²⁵ К настоящему времени окончательно сформировались два диаметрально противоположных направления:

²⁶ а) Сторонники психологической теории «макиавеллизма» отличаются монолитностью позиций и демонстрируют явное стремление к автаркии. Простота аргументации и постоянная популяризация этой теории в масс-медиа обеспечивают прочность позиций данного направления в политическом дискурсе;

²⁷ б) Другое направление, представленное в различных сегментах исторической науки, а также в многочисленных философских и политологических трудах, напротив, не столь монолитно. Стремлению его сторонников опираться на классические методы филологического и исторического анализа нередко противостоят постмодернистские тенденции, в которых явно ощущается влияние «макиавеллистского комплекса».

28 Трудно отрицать, что в обширном пространстве споров о Макиавелли твердое намерение ученых, представляющих эти два направления, отстаивать правильность своих позиций, в принципе, не оставляет надежды даже на хрупкий компромисс. До известной степени, такая картина связана с особенностями сложившейся уже в эпоху модерна модели университетского образования, для которой характерны непрерывные споры о приоритетах, еще в конце XVIII в. подвергнутые И. Кантом резкой критике в эссе *Der Streit der Fakultäten*. Через два столетия Жак Деррида блестяще подтвердил, что характер этих дискуссий остается неизменным²⁹.

29 Граница между двумя направлениями была концептуально обозначена «макивеллиевским моментом» Д. Покока, своеобразным комментарием к которому являются точные в историческом и теоретическом плане замечания К. Скиннера. Д. Покок, в частности, отмечал, что сам по себе способ мысли, обозначаемый термином «макиавеллизм» «заключался в артикуляции гражданских гуманистических концепций и ценностей в условиях затруднительного положения Флоренции в 1494—1530-х гг. Концептуальный мир, в котором доминировали парадигмы пользы, веры и удачи, подвергся деформации из-за республиканского решения преследовать универсальные ценности в скоропреходящей форме, и это напряжение было усилено событиями в мире опыта после 1494 г., когда Флорентийская республика не смогла выстоять против реакции Медичи, а итальянские республики под натиском французских и испанских захватчиков не смогли сохранить свою систему отношений. Из этих сложных противоречий мы выводим два основных результата: пересмотр Макиавелли концепции *virtu*, проявившийся в своем наиболее противоречивом виде в совете, данном *principe piouo*, и его наиболее долговременные уроки в области теории военных действий, необходимых для обеспечения свободы; его обновленное и усиленное исследование аристотелевско-полибиевской теории смешанного правления, в которой Венеция фигурировала как парадигма и миф, а также в качестве антитезы Риму»³⁰.

30 Во втором издании своей работы «Макиавелли: очень краткое введение» К. Скиннер также считал необходимым еще раз специально подчеркнуть: «Я продолжаю считать Макиавелли главным образом представителем неоклассической формы гуманистической политической мысли. Кроме того, я утверждаю, что наиболее оригинальные и творческие аспекты его политического видения лучше всего могут быть поняты как серия полемических, а иногда и сатирических реакций против унаследованных им гуманистических теорий... Критика Макиавелли классического и современного гуманизма... в своей основе проста, но разрушительна. Он утверждает, что, если правитель желает достичь своих высших целей, он не всегда сочтет рациональным следовать принципам морали. Напротив, любая последовательная попытка практиковать весь спектр царственных добродетелей обернется губительной иррациональной политикой. Но как быть с христианским возражением, что такая позиция является глупой, а также порочной: она забывает о судном дне, когда за все несправедливости в конечном счете придется понести наказание? Об этом Макиавелли вообще ничего не говорит. Его молчание красноречиво, поистине эпохально; оно отдалось эхом по

христианской Европе, первоначально вызвав в ответ ошеломленное молчание, а затем вой проклятий, который так никогда и не затих»³¹.

³¹ Разумеется, безупречные в историческом смысле суждения классиков Кембриджской школы вряд ли могут оказать существенное влияние на сторонников «чистого макиавеллизма» и их академических попутчиков. Характер современных дискуссий свидетельствует том, что они имеют тенденцию все чаще перемещаться в специфическую теоретическую сферу, именуемую «политической педагогикой».

³² Хотя эта область политического знания также опирается на тысячелетнюю историческую традицию и восходит к «Государству» Платона и аристотелевским «Никомаховой этике» и «Политике», в наши дни она, как правило, рассматривается как важное направление политической теории. «Шелдон С. Вулин, Лео Штраусс и многие другие современные политические теоретики утверждали, — отмечает У. Соколофф в одной из своих последних работ “Политологическая педагогика: критическая, радикальная и утопическая перспектива”, — что практика политической теории в конечном итоге является педагогическим проектом. Тем самым, который напрямую связан с качеством демократической жизни. Если это так, то вопрос о том, как мы концептуализируем политическую теорию (как призвание, беседу с Учителями, как почитание канона и как участие в традиции дискурса), обязательно имеет важные политические и педагогические последствия. Таким образом, невозможно избежать *политики политической теории* [курсив наш — В. Г., А. Ш.], несмотря на значительные усилия современных политических теоретиков уклониться от этого вопроса... Ошибочно представлять политическую теорию как бескорыстный поиск истины и автономные усилия. Политическая теория как практика и дисциплина не может избежать вопросов авторитета и власти. Политические теоретики обеспечивают авторитетные интерпретации текстов, формируют дискурсы легитимации для политических порядков, защищают определенные политические концепции и тем самым создают академическую дисциплину, определяющую и контролирующую соответствующие формы, которые политическая теория может принять, чтобы научить студентов тому, что стоит знать. Другими словами, политические теоретики передают знания студентам. Студенты узнают о великих мыслителях. Это влияет на их политический кругозор. Таким образом, ряд дисциплинарных норм составляет политическую теорию как педагогическую практику»³².

³³ Аналогичные идеи, хотя и в гораздо более радикальной форме, развивает американский теоретик-марксист Дерек Р. Форд³³. И, конечно же, личность и творчество Макиавелли занимает в педагогическом сегменте политической теории особое почетное место. «Академическое преподавание в области политической теории, — подчеркивает Д. Ар в работе “Представляем политическую теорию”, — помогает студентам понять огромные усилия самых влиятельных политических теоретиков, которые сформировали историю современной политической мысли. Макиавелли стоит в начале этой очереди, а академические преподаватели стараются изо всех сил привлечь студентов разобраться с мыслями, связанными с этим великим писателем»³⁴.

³⁴ Руководствуясь этими принципами, составители университетских антологий и хрестоматий³⁵ обычно рекомендуют студентам самостоятельно проводить сравнительный анализ ранних и современных критических работ, например, памфлета Мориса Жоли «Разговоры Макиавелли и Монтескье в преисподней» (1864) и американского философа Себастьяна де Грация «Макиавелли в аду» (1989)³⁶, а также изучать различные версии интерпретации трудов Макиавелли в философской литературе XX в., представленные, например, в работах Лео Штраусса, Клода Лефора и многих других.³⁷

³⁵ В плане обозначенных выше споров усилия университетских ученых можно рассматривать и как «защитную реакцию» академической науки, направленную против вульгаризации наследия великого флорентийца в современном дискурсе «пост-правды». Но в основе этих усилий, конечно, лежит прекрасно сформулированный в свое время Луи Альтюссером принцип: «относиться к Макиавелли как к Макиавелли... потому что он олицетворяет собой начало... открытие, нехоженые дороги, неизведанные земли и моря»³⁸.

Примечания:

1. Machiavelli Then and Now: History, Politics, Literature / ed. by Sukanta Chaudhuri, Prasanta Chakravarty. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2022. P. 1.
2. Ball T. Reappraising Political Theory: Revisionist Studies in the History of Political Thought. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 65—66.
3. Viroli M. From Politics to Reason of State: The Acquisition and Transformation of the Language of Politics 1250—1600. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 1992. P. 171—176; см. также: Viroli M. Machiavelli. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 1998.
4. Ramsay M. Machiavelli // Interpreting Modern Political Philosophy: From Machiavelli to Marx / ed. by Alistair Edwards, Jules Townshend. L.: Palgrave Macmillan, 2002. P. 21.
5. Interpreting Modern Political Philosophy: From Machiavelli to Marx / ed. by Alistair Edwards, Jules Townshend. L.: Palgrave Macmillan, 2002. P. 1.
6. Uhr J. Prudential Public Leadership: Promoting Ethics in Public Policy and Administration. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 45—46; cp.: Garver E. Machiavelli and the History of Prudence. Madison, Wisconsin; L.: University of Wisconsin Press, 1987.
7. Boucheron P. Machiavelli: The Art of Teaching People What to Fear. N. Y.: Other Press, 2020. P. 84—85; см. также: De Grazia S. The Political Community: A Study of Anomie. Chicago: University of Chicago Press, 1969.
8. Ahrens Dorf P. J. Homer and the Tradition of Political Philosophy: Encounters with Plato, Machiavelli, and Nietzsche. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2022. P. 79, 75.
9. Sokoloff W. W. Confrontational Citizenship: Reflections on Hatred, Rage, Revolution, and Revolt. Albany: State University of New York Press, 2017. P. 14.
10. Там же. P. 14—15.
11. Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory: Machiavelli, Grotius, Kant, and Mazzini. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2005. P. 14—15.
12. Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory. P. XXVII; см. также: Wight M. Power Politics. N. Y.: Holmes & Meier Publishers, 1978. P. 173; Wight M. International Theory: The Three Traditions. New York: Holmes & Meier, 1992. P. 30, 112, 248, 259; Wight M. International Relations and Political Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 22—23, 25, 39—40; cp.: Pangle Th. L., Ahrens Dorf P. J. Justice Among Nations: On the Moral Basis of Power and Peace. Lawrence: University Press of Kansas, 1999; Wootton D. Thomas Hobbes' Machiavellian Moments // The Historical Imagination in Early Modern Britain: History, Rhetoric, and Fiction, 1500—1800 / ed. by Donald R. Kelley, David Harris Sacks. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2002. P. 210—242.
13. Viroli M. Redeeming “The Prince”: The Meaning of Machiavelli's Masterpiece. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2014. P. 3; cp.: Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 2: Renaissance Virtues. Cambridge: Cambridge

University Press, 2004. P. 92.

14. Boucheron P. Machiavelli: The Art of Teaching People What to Fear. N. Y.: Other Press, 2020. P. 24.

15. Там же.

16. Там же.

17. Lefort C. Le travail de l'œuvre Machiavel. P.: Gallimard, 1986. P. 73, 76; см. также: Alagna L. M. Claude Lefort as Interpreter of Machiavellian Social Conflict // *Forum Italicum: A Journal of Italian Studies*. 2020. Vol. 54. Iss. 2. P. 1—11; ср.: Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. P. 316, 333, 347, 380.

18. См.: Bereczkei T. *Machiavellianism: The Psychology of Manipulation*. N. Y.: Routledge, 2018. P. 13, 30.

19. Там же. P. 38.

20. См. подробнее: Lyons M. *The Dark Triad of Personality: Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy in Everyday Life*. L.; San Diego; Cambridge: Academic Press, 2019. P. 12, 16—22, 35—36, 72—77; Bereczkei T. *Machiavellianism*. P. 38; ср.: Russon A. E. *Exploiting the Expertise of Others // Machiavellian Intelligence II: Extensions and Evaluations* / ed. by Andrew Whiten, Richard W. Byrne. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 174—206.

21. Uppal N. *Narcissus or Machiavelli? Learning Leadership from Indian Prime Ministers*. L.; N. Y.: Routledge, 2022. P. 8—9; см. также: Dikötter F. *How to Be a Dictator: The Cult of Personality in the Twentieth Century*. L.; Oxford; N. Y.; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Publishing, 2019. P. 136—138; *Ruler Personality Cults from Empires to Nation-States and Beyond: Symbolic Patterns and Interactional Dynamics* / ed. by Kirill Postoutenko, Darin Stephanov. L.; N. Y.: Routledge, 2021. P. 31, ,, 121—122, 134, 164—165, , .

22. См., например: Humphrey N. K. *The Social Function of Intellect // Growing Points in Ethology* / ed. by P. P. G. Bateson & R. A. Hinde. Cambridge: Cambridge University Press. 1976. P. 303—317; Wilson D. S.; Near D.; Miller R. R. *Machiavellianism: A Synthesis of the Evolutionary and Psychological Literatures // Psychological Bulletin*. 1996. No. 119. P. 285—299; *Machiavellian Intelligence II: Extensions and Evaluations* / ed. by Andrew Whiten, Richard W. Byrne. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. XI, 1—2, 11—12; *Routledge International Handbook of Contemporary Social and Political Theory* / ed. by Gerard Delanty, Stephen P. Turner. L.; N. Y.: Routledge, 2022. P. 349; Minogue K. *Machiavelli and the Duck / Rabbit Problem of Political Perception // Government and Opposition*. 1996. Vol. 31. Iss. 2. P. 216—226 и другие.

23. См.: Christie R.; Geis F.L. *Studies in Machiavellianism*. N. Y.; San Francisco; L.: Academic Press, 1970. P. 1, 305, 389, 392.

24. Bing S. *What Would Machiavelli Do? The Ends Justify the Meanness*. N. Y.: Harper-Collins Publishers, 2000. P. XI—XIII.

25. Eysenck H. J. *Dimensions of Personality*. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 1998. P. 25—26, 28; см. также: Eysenck H. J. *The Inequality of Man*. San Diego, California: EdITS publishers, 1975. P. 188; Hans Eysenck: *Consensus & Controversy* / ed. by Sohan Modgil, Celia Modgil. Philadelphia; L.: The Falmer Press, 1986. P. 137—152, 166, 167; ср.: Kershaw I. *Personality and Power: Builders and Destroyers of Modern Europe*. N. Y.: Penguin Press, 2022. P. 18—20; Mischel W. *Personality and Assessment*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1996; *Advances in Personality Science* / ed. by Daniel Cervone, Walter Mischel. N. Y.; L.: The Guilford Press, 2002; Mischel W., Shoda Y., Ayduk O. *Introduction to Personality: Toward an Integrative Science of the Person*. 8th Edition. N. Y.: John Wiley & Sons, 2008; Paul A. M. *The Cult of Personality*. N. Y.; L.; Toronto; Sydney: Free Press, 2004; см. также: Boyle G. J., Matthews G., Saklofske D. H. *Personality Theories and Models: An Overview // The SAGE Handbook of Personality Theory and Assessment*. Vol. *Personality Theories and Models* / ed. by Gregory J. Boyle, Gerald Matthews, Donald H. Saklofske. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore: SAGE, 2008. P. 1—30.

26. *Machiavellian Intelligence II: Extensions and Evaluations* / ed. by Andrew Whiten, Richard W. Byrne. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. XI, 1—2.

27. Schmitt A., Grammer K. *Social Intelligence and Success: Don't Be Too Clever in Order to Be Smart // Machiavellian Intelligence II: Extensions and Evaluations* / ed. by Andrew Whiten, Richard W. Byrne. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 89; ср.: Deacon T. W. *The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Human Brain*. N. Y.; L.: W. W. Norton & Company, 1997; Alsted J. *A Model Human Motivation for Sociology*. Frankfurt am Mein: Peter Lang, 2005; Turner K. *Lacanian Fantasy: The Image, Language and Uncertainty*. L.; N. Y.: Routledge, 2022.

28. Colman W. *Act and Image: The Emergence of Symbolic Imagination*. L.: Routledge, 2021. P. 182—183, 237.

29. См.: Derrida J. *Mochlos; or, The Conflict of the Faculties // Logomachia: The Conflict of the Faculties Today* / ed. by Richard Rand. Lincoln: University of Nebraska Press, 1992. P. 1—34.

30. Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. P. 333.

31. Skinner Q. *Machiavelli: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. XV—XVI, 47; ср.: Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. P. 1, 250.

32. Sokoloff W. W. *Political Science Pedagogy: A Critical, Radical and Utopian Perspective*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 27—28; см. также: Jacoby R. *Intellectuals in Politics and Academia: Culture in the Age of Hype*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2022.
33. См.: Ford D. R. *Politics and Pedagogy in the “Post-truth” Era: Insurgent Philosophy and Praxis*. L.; N. Y.; Oxford; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic, 2018. P. 3, 9—13, 108—110; Ford D. R. *Teaching the Actuality of Revolution: Aesthetics, Unlearning, and the Sensations of Struggle*. Madison, Wisconsin: Iskra Books, 2023. P. 2—14, 38—57, 63—67, 137—142.
34. Uhr J. *Performing Political Theory: Pedagogy in Modern Political Theory*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2018. P. 2; см. также: P. 10—17, 20—28, 51—66.
35. См., например: Pangle Th. L., Burns T. W. *The Key Texts of Political Philosophy: An Introduction*. N. Y.: Cambridge University Press, 2014.
36. См.: Joly M. *The Dialogue in Hell between Machiavelli and Montesquieu: Humanitarian Despotism and the Conditions of Modern Tyranny*. Lahnam; Boulder; N. Y.; Toronto; Oxford: Lexington Books, 2002; De Grazia S. *Machiavelli in Hell*. N. Y.: Vintage, 1994.
37. См.: Strauss L. *Thoughts on Machiavelli*. Chicago: University of Chicago Press, 1984; Burns T. W. *Leo Strauss on Democracy, Technology, and Liberal Education*. Albany: State University of New York Press, 2021; Flynn B. *The Philosophy of Claude Lefort: Interpreting the Political*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2006; Howard D. *Claude Lefort: A Political Biography // Claude Lefort: Thinker of the Political / ed. by Martin Plot*. L.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 15—22 и другие.
38. Althusser L. *Machiavelli and Us*. L.; N. Y.: Verso, 1999. P. 6—7.
-

Библиография:

1. *Advances in Personality Science / ed. by Daniel Cervone, Walter Mischel*. N. Y.; L.: The Guilford Press, 2002.
2. Ahrendorf P. J. *Homer and the Tradition of Political Philosophy: Encounters with Plato, Machiavelli, and Nietzsche*. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2022.
3. Alagna L. M. *Claude Lefort as Interpreter of Machiavellian Social Conflict // Forum Italicum: A Journal of Italian Studies*. 2020. Vol. 54. Iss. 2. P. 1—11.
4. Alsted J. *A Model Human Motivation for Sociology*. Frankfurt am Mein: Peter Lang, 2005.
5. Althusser L. *Machiavelli and Us*. L.; N. Y.: Verso, 1999.
6. Ball T. *Reappraising Political Theory: Revisionist Studies in the History of Political Thought*. Oxford: Clarendon Press, 1995.
7. Bereczkei T. *Machiavellianism: The Psychology of Manipulation*. N. Y.: Routledge, 2018.
8. Bing S. *What Would Machiavelli Do? The Ends Justify the Meanness*. N. Y.: Harper-Collins Publishers, 2000.
9. Boucheron P. *Machiavelli: The Art of Teaching People What to Fear*. N. Y.: Other Press, 2020.
10. Boyle G. J., Matthews G., Saklofske D. H. *Personality Theories and Models: An Overview // The SAGE Handbook of Personality Theory and Assessment*. Vol. I.

Personality Theories and Models / ed. by Gregory J. Boyle, Gerald Matthews, Donald H. Saklofske. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore: SAGE, 2008. P. 1—30.

11. Burns T. W. Leo Strauss on Democracy, Technology, and Liberal Education. Albany: State University of New York Press, 2021.

12. Christie R., Geis F. L. Studies in Machiavellianism. N. Y.; San Francisco; L.: Academic Press, 1970.

13. Colman W. Act and Image: The Emergence of Symbolic Imagination. L.; N. Y.: Routledge, 2021.

14. Deacon T. W. The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Human Brain. N. Y.; L.: W. W. Norton & Company, 1997.

15. De Grazia S. The Political Community: A Study of Anomie. Chicago: University of Chicago Press, 1969.

16. De Grazia S. Machiavelli in Hell. N. Y.: Vintage, 1994.

17. Derrida J. Mochlos; or, The Conflict of the Faculties // Logomachia: The Conflict of the Faculties Today / ed. by Richard Rand. Lincoln: University of Nebraska Press, 1992. P. 1—34.

18. Dikötter F. How to Be a Dictator: The Cult of Personality in the Twentieth Century. L.; Oxford; N. Y.; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Publishing, 2019.

19. Eysenck H. J. The Inequality of Man. San Diego, California: EdITS publishers, 1975.

20. Eysenck H. J. Dimensions of Personality. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 1998.

21. Flynn B. The Philosophy of Claude Lefort: Interpreting the Political. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2006.

22. Ford D. F. Politics and Pedagogy in the “Post-truth” Era: Insurgent Philosophy and Praxis. L.; N. Y.; Oxford; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic, 2018.

23. Ford D. R. Teaching the Actuality of Revolution: Aesthetics, Unlearning, and the Sensations of Struggle. Madison, Wisconsin: Iskra Books, 2023.

24. Garver E. Machiavelli and the History of Prudence. Madison, Wisconsin; L.: University of Wisconsin Press, 1987.

25. Hans Eysenck: Consensus and Controversy / ed. by Sohan Modgil, Celia Modgil. Philadelphia; L.: The Falmer Press, 1986.

26. Howard D. Claude Lefort: A Political Biography // Claude Lefort: Thinker of the Political / ed. by Martín Plot. L.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 15—22.

27. Humphrey N. K. *The Social Function of Intellect // Growing Points in Ethology* / ed. by P. P. G. Bateson, R. A. Hinde. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 303—317.
28. *Interpreting Modern Political Philosophy: From Machiavelli to Marx* / ed. by Alistair Edwards, Jules Townshend. L.: Palgrave Macmillan, 2002.
29. Jacoby R. *Intellectuals in Politics and Academia: Culture in the Age of Hype*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2022.
30. Joly M. *The Dialogue in Hell between Machiavelli and Montesquieu: Humanitarian Despotism and the Conditions of Modern Tyranny*. Lahnam; Boulder; N. Y.; Toronto; Oxford: Lexington Books, 2002.
31. Kershaw I. *Personality and Power: Builders and Destroyers of Modern Europe*. N. Y.: Penguin Press, 2022.
32. Lefort C. *Le travail de l'œuvre Machiavel*. P.: Gallimard, 1986.
33. Lyons M. *The Dark Triad of Personality: Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy in Everyday Life*. L.; San Diego; Cambridge: Academic Press, 2019.
34. *Machiavelli Then and Now: History, Politics, Literature* / ed. by Sukanta Chaudhuri, Prasanta Chakravarty. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2022.
35. *Machiavellian Intelligence II: Extensions and Evaluations* / ed. by Andrew Whiten, Richard W. Byrne. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
36. Minogue K. *Machiavelli and the Duck / Rabbit Problem of Political Perception // Government and Opposition*. 1996. Vol. 31. Iss. 2. P. 216—226.
37. Mischel W. *Personality and Assessment*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1996.
38. Mischel W., Shoda Y., Ayduk O. *Introduction to Personality: Toward an Integrative Science of the Person*. 8th Edition. N. Y.: John Wiley & Sons, 2008.
39. Pangle Th. L., Ahrens Dorf P. J. *Justice Among Nations: On the Moral Basis of Power and Peace*. Lawrence: University Press of Kansas, 1999.
40. Pangle Th. L., Burns T. W. *The Key Texts of Political Philosophy: An Introduction*. N. Y.: Cambridge University Press, 2014.
41. Paul A. M. *The Cult of Personality*. N. Y.; L.; Toronto; Sydney: Free Press, 2004.
42. Pocock J. G. A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003.
43. Ramsay M. *Machiavelli // Interpreting Modern Political Philosophy: From Machiavelli to Marx* / ed. by Alistair Edwards, Jules Townshend. L.: Palgrave

Macmillan, 2002. P. 21—40.

44. Routledge International Handbook of Contemporary Social and Political Theory / ed. by Gerard Delanty, Stephen P. Turner. L.; N. Y.: Routledge, 2022.
45. Ruler Personality Cults from Empires to Nation-States and Beyond: Symbolic Patterns and Interactional Dynamics / ed. by Kirill Postoutenko, Darin Stephanov. L.; N. Y.: Routledge, 2021.
46. Russon A. E. Exploiting the Expertise of Others // Machiavellian Intelligence II: Extensions and Evaluations / ed. by Andrew Whiten, Richard W. Byrne. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 174—206.
47. Schmitt A., Grammer K. Social Intelligence and Success: Don't Be Too Clever in Order to Be Smart // Machiavellian Intelligence II: Extensions and Evaluations / ed. by Whiten A., Byrne R. W. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 86—111.
48. Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 2: Renaissance Virtues. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
49. Skinner Q. Machiavelli: A Very Short Introduction. Second Edition. Oxford: Oxford University Press, 2019.
50. Sokoloff W. W. Confrontational Citizenship: Reflections on Hatred, Rage, Revolution, and Revolt. Albany: State University of New York Press, 2017.
51. Sokoloff W. W. Political Science Pedagogy: A Critical, Radical and Utopian Perspective. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020.
52. Strauss L. Thoughts on Machiavelli. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
53. Turner K. Lacanian Fantasy: The Image, Language and Uncertainty. L.; N. Y.: Routledge, 2022.
54. Uhr J. Prudential Public Leadership: Promoting Ethics in Public Policy and Administration. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2015.
55. Uhr J. Performing Political Theory: Pedagogy in Modern Political Theory. Singapore: Palgrave Macmillan, 2018.
56. Uppal N. Narcissus or Machiavelli? Learning Leadership from Indian Prime Ministers. L.; N. Y.: Routledge, 2022.
57. Viroli M. From Politics to Reason of State: The Acquisition and Transformation of the Language of Politics 1250—1600. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 1992.
58. Viroli M. Machiavelli. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 1998.

59. Viroli M. Redeeming “The Prince”: The Meaning of Machiavelli’s Masterpiece. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2014.
60. Wight M. Power Politics. N. Y.: Holmes & Meier Publishers, 1978.
61. Wight M. International Theory: The Three Traditions. N. Y.: Holmes & Meier, 1992.
62. Wight M. Four Seminal Thinkers in International Theory: Machiavelli, Grotius, Kant, and Mazzini. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2005.
63. Wight M. International Relations and Political Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2022.
64. Wilson D. S., Near D., Miller R. R. Machiavellianism: A Synthesis of the Evolutionary and Psychological Literatures // Psychological Bulletin. 1996. No. 119. P. 285—299.
65. Wootton D. Thomas Hobbes’ Machiavellian Moments // The Historical Imagination in Early Modern Britain: History, Rhetoric, and Fiction, 1500—1800 / ed. by Kelley D. R., Sacks D. H. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2002. P. 210—242.

Niccolo Machiavelli as a Symbolic Personality: from Political Theory to Political Pedagogy

Vladimir Gutorov

Saint Petersburg State University

Russian Federation, Saint Petersburg

Aleksandr Shirinyants

Lomonosov Moscow State University

Russian Federation, Moscow

Abstract

The paper analyzes in detail the concept of “Machiavellianism” — a constantly emerging and growing giant intellectual segment that combines historical, psychological and philosophical interpretations with frankly vulgar ideological speculations. Modern concepts of personality are being explored, the synthesis of which is well represented in the works of Hans Jürgen Eysenck. W. Colman’s theory of symbols is also analyzed because of its great contribution to understanding the reasons why Machiavelli’s personality gradually began to turn into a kind of symbol that characterizes the process of forming a very specific “cultural code” of human thinking and behavior. The authors also examine the reasons why modern discussions around the personality and cultural heritage of Machiavelli are increasingly moving into a very specific theoretical area called “political pedagogy”.

Keywords: Machiavelli, Machiavellianism, realism, politics, history, political theory, psychology, personality, political pedagogy

Publication date: 30.06.2023

Citation link:

Gutorov V., Shirinyants A. Niccolo Machiavelli as a Symbolic Personality: from Political Theory to Political Pedagogy // ISTORIYA. – 2023. – V. 14. – Issue 4 (126). URL: <https://history.jes.su/s207987840026412-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840026412-2